

КАК ЖИВЕШЬ, ЦЕХКОМ?

«ПОКОЙ НАМ ТОЛЬКО СНИТСЯ...»

Сергей Васильевич Жебрак на посту председателя профсоюзного комитета третьего листопрокатного цеха не так давно: около года.

Но и этого времени хватило, чтобы сполна почувствовать тяжесть ноши. Суеты и забот профсоюзных молодому лидеру цехового профкома, бывшему работнику травильного отделения невпроворот: в цехе более тысячи трехсот трудящихся, и все — члены профсоюза. Разговор с Сергеем Васильевичем состоялся по телефону.

— Лето на исходе. Были проблемы с летним отдыхом?

— Все, кто хотел, провели время в наших домах отдыха. С детским отдыхом — то же самое. Правда, пришлось «покрутиться». Желающих отдохнуть было больше, чем выделялось путевок.

— Какие вопросы сегодня «достаю» больше всего?

— Жизнь сейчас, известно, нестабильная. Идут пенсионеры, одинокие матери, просят материальную помощь. Задержки с зарплатой не дают возможности семьям одиночек сводить концы с концами. А тут вот-вот учебный год. И сегодня — это не секрет, чтобы собрать ребенка в школу, требуются немалые деньги. А их нет. А если и есть, то сто раз подумаешь: то ли оставить на пропитание, то ли ухнути на школьные принадлежности. Идут ко мне. Самое большое, чем могу помочь от цехкома — выдать 120 рублей.

— А жилищные вопросы?

— Они как-то отошли на второй план. Люди поняли, что профком здесь бессилён, и квартиры он не строит. Поэтому многие сами стараются найти какой-то выход. Хотя очередность на улучшение жилья существует. В нынешнем году цеху выделили двухкомнатную квартиру. Отдали ее рабочему, который жил в однокомнатной. Так что две семьи улучшили жилищные условия.

— Как с подготовкой к зимним условиям? Это тоже забота цехового профсоюза...

— В цехе есть план мероприятий по подготовке к зиме, и его реализация идет полным ходом, строго по графику. Конечно, все под контролем наших активистов.

— Текущая рабочая неделя сулит много забот и хлопот?

— Вот как раз эта неделя будет, на мой взгляд, более спокойной. Но — только на мой взгляд. Как писал Блок: «Покой нам только снится...» В субботу и воскресенье на турбазах станции «Минутка» состоятся общекомбинатские соревнования по ориентированию. Наша цеховая турбаза тоже там. Надо сформировать команду, подготовить базу к приезду участников. Это пока главное. А текущие, как всегда, невпроворот...

Ю. АЛЕКСЕЕВ.

О том, как налаживают личные отношения

Сейчас Николай Григорьевич Коваленко на заслуженном отдыхе. Но ветеран не замкнулся в домашних делах. Он — частый гость в цехах горно-обогатительного производства, где прошли его юность и лучшие годы жизни.

Родился он 19 мая 1925 года. В 1942 году после ФЗО с удостоверением помощника машиниста экскаватора пришел на рудник. С тех пор судьба накрепко связала деревенского паренька с горой Магнитной, металлургическим комбинатом.

Двадцать пять лет он возглавлял профсоюзный комитет горняков. После ухода на пенсию короткое время работал бригадиром хозгруппы. Затем снова близкое душе и знакомое до мелочей дело — работа в профкоме комбината заведующим отделом социального страхования.

Еще в 1961 году его избрали председателем профсоюзного комитета. И чем больше он вникал в дело, тем больше входил во вкус. В трудовых коллективах сразу приметили беспокойного, не похожего на большого начальника с солидной папкой нового председателя. Потому верили ему, доверяли. А вот отношения с руководством складавались не очень просто.

Горно-обогатительное производство тогда возглавлял Герой Социалистического Труда Василий Никитович Котов — крепкий хозяйственник, крутой по характеру человек. Трудно сказать, почему он свысока относился к профкому: то ли не считал нужным учитывать его мнение, то ли не впускал доверия молодой и мало кому известной Коваленко? Тем не менее, он три месяца будто не замечал ни Николая Григорьевича, ни профкома. На подведении месячных итогов не являлся, на все просьбы Коваленко отмахивался. Что оставалось делать в такой ситуации?

— Как-то на графике я предупредил, что без его присутствия на заседании профкома итоги соревнования мы подводить не будем, — вспоминает Николай Григорьевич. — А это по тем временам расценивалось как чрезвычайное происшествие. Выспили он сразу, оправдываясь начал, но на заседание пришел, правда с опозданием. Как и все начальники цехов. На следующий месяц тютелька в тютельку прибыл Василий Никитович на профком. И вся его команда явилась, как часы.

Постепенно личные отношения стали налаживаться. Но вот от решения социальных вопросов отмахивался. Решили на рудкоме турбазу строить, а начальник против — силенок, говорит маловато, цехи надо ремонтировать. Сказал, а сам в Сочи уехал отдыхать. Собрал Коваленко комитет, пригласил начальников цехов и предложил методом народной стройки создать турбазу. Все «за». И кипела работа. Каждое воскресенье приезжали на стройку секретари партийных и комсомольских организаций, профсо-

ПО ДОЛГУ И СОВЕСТИ

юзный актив, начальники цехов. Поднажали — построили. Увидел начальник, удивился, но промолчал.

За турбазой последовало строительство дома отдыха «Юбилейный». Затем Коваленко предложил построить дом на четыре квартиры в Кусимово. Пришел к Котову — опять отказ. Расстались недружелюбно. Тогда Василий Никитович уже на пенсию собирался. «Оставь о себе память, будут горняки отдыхать да тебя добрым словом вспоминать», — уговаривал его председатель рудкома. Но и эти слова не действовали. С подавленным настроением ушел Николай Григорьевич в отпуск. А через месяц, по возвращении, ему сообщают: домик в Кусимово строить заканчивают. Сам Котов распорядился и все силы туда направил.

— Забота о трудящихся, условиях их труда, отдыха и здоровья — главное в деятельности профсоюза, — считает Николай Григорьевич. — Если любишь людей, то на профсоюзной работе тебе и делать нечего — иди к «железкам». Но и быть всегда и для всех хорошеньким тоже не получалось. Надо чувствовать, в каком случае характер показать, а когда просто по душам с человеком поговорить.

Когда дело касалось защиты интересов рабочего, Коваленко «становился в позу». При нем строились четвертая аглофабрика, ДОФ-5, склады привозных руд. Все эти объекты председатель рудкома изложил вдоль и поперек. И везде с одним и тем же вопросом: нет ли отступлений от проектных решений, предусматривающих безопасный труд? Отступления, как правило, были, и довольно существенные, на которые закрывать глаза Николай Григорьевич не имел права по долгу и совести.

Помнится, сдавали в эксплуатацию ДОФ-5. В государственную комиссию по приему фабрики входил и председатель рудкома, подписи которого на акте была обязательной. Большинство членов комиссии уже поставили свои автографы на документе, а Коваленко «нет» — и все. «Пока все 160 замечаний не будут устранены, моей подписи на акте не увидите». Некоторые из руководства в открытую высказывали ему: «Чего ты ереленишься, больше всех надо, что ли?». Но его поддержал тогда директор комбината Ф. Д. Воронов. Пришлось строителям устранять погрешности.

— Частенько я прихожу в цеха горно-обогатительного производства — тянет на старое место работы, — рассказывает Коваленко. — Как-то в аглоцех зашел, смотрю: на стене приказ висит об увольнении аж 40 человек за различные нарушения. Раньше такого не было. Не торопились мы увольнять, попросту говоря, выбрасывать человека за борт и семью его оставлять без средств на жизнь. Если надо, воспитывали, направляли на истинный путь. Члены комиссии по быту ходили по квартирам, разбирались с теми, кто злоупотреблял спиртным. Я всегда, не раздумывая, давал согласие на увольнение злостных прогульщиков и выпивох, но ведь многих мы поставили на ноги, семьи сохранили.

Как-то нелепо звучат эти слова ветерана о воспитательной работе профсоюза на фоне строительства капитализма: ею сейчас занимаются вроде бы все, но никто конкретно. Но ведь суть-то остается прежней — все делается ради человека. Может и сейчас нужно думать не только о технической реконструкции, но и реконструкции душ человеческих?

О том, как рудком себе зарплату зарабатывал

О чем бы мы ни говорили с Николаем Григорьевичем, он постоянно повторял: производственные дела, морально-психологический климат в коллективе всегда будут нормальными лишь в том случае, если профсоюзный комитет и администрация действуют в одной связке. И в подтверждение приводил десятки примеров. Когда на комбинате начался так называемый процесс бартеризации и вместе с ним пришел период шатаний и высказывания «смелых» мыслей по поводу «нужен ли нам вообще профсоюз», то в горно-обогатительном производстве все шло обычной чередой. Цехкомы делали свое дело, администрация — свое, но усилия и тех, и других сводились к общим целям: сохранить коллектив, обеспечить металлургическое производство сырьем. Не возникло «на горе» и вопрос об упразднении профсоюза. Руководство цехов прекрасно понимало, что профсоюзный комитет — тот буфер, который необходим для уравнивания интересов трудящихся и администрации.

По мнению Николая Григорьевича, горно-обогатительному производству всегда везло на толковых руководителей, не отдалявшихся от цехкомов. А я бы добавил от себя: повезло и в том, что здесь долгое время работал Коваленко, старательно строящий этот мост доверия и взаимопонимания. Даже не осознавая того, он создал свою школу профсоюзной работы, ученики которой действуют сейчас, смягчая удары рыночной экономики.

Сказал об этом Коваленко, а он чисто по-юношески засмутился и говорит:

— Работал, как все. Всегда стремился, чтобы меня не попрекали, будто свой хлеб ем задарма. Ну, может, чуточку больше других людей уважал.

Тому, что свой хлеб председатель рудкома отработывал честно, много примеров. Вот один из них. Первыми на комбинате именно горняки начали вести учет и расследование несчастных случаев в быту, по пути следования на работу и обратно. Почему возникла такая необходимость? Уж очень большие потери по нетрудоспособности в общей структуре заболеваемости составляли такие травмы — 10-15 процентов. Многие, получив их, не обращались своевременно за медицинской помощью, что приводило к длительному лечению, а иногда и к инвалидности. Были и те, кто травмировался в нетрезвом состоянии, но больничные получали, как все. Уже тогда рабочие страдали от нападений хулиганов.

Профком начал своевременно расследовать причины всех травм. С тех, кто получал пособие по «липовым» больничным, взыскивали деньги через суд. Кто травмировался в пьяном виде — лишали пособия вообще или частично.

— Количество травм пошло на убыль прямо на глазах, — вспоминает Николай Григорьевич. — В профсоюзный бюджет горняков за год поступало до 7000 рублей — деньги, которые были взысканы с виновников травм. По тем временам приличная сумма — две годовые зарплаты председателя профкома.

Многое сделано в те годы по созданию нормальных условий труда рабочих, профилактике заболеваний совместно с медиками. В результате здравпункты стали микрополиклиниками и обеспечивали все профилактические мероприятия. На многих металлургических и горно-обо-

гатительных предприятиях довелось побывать Коваленко за время председательства профкомом: Донецке, Кривом Роге, Рудном, Нижнем Тагиле, Новокузнецке... И нигде не встречал таких здравпунктов, как в Магнитке. Конечно, гордился этим.

О веревке, партии и «других товарищах»

...Спор во время обеденного перерыва разгорался не на шутку.

— Да кровососы они, эти коммунисты, — чуть не кричал разъяренный бригадир. — Сколько лет народ на привязи держали, пользовались нашим трудом. Я бы всех самолично повесил. Григорьевич! У тебя веревка есть? Да чтобы подлинной была...

Коваленко спокойно выслушал тираду, оглядел сидящих рядом рабочих. Те ждали, что он скажет.

— А ты покорооче бери веревку, — обратился он к «демократу». — Вешать, как я понял, ты одного меня собрался. И за что ж ты меня в петлю? Да, в партии я состоял 39 лет. Но что же ты меряешь всех одной линейкой? Думаешь, нажил себе добра? Я вот на свой участок на велосипеде езжу, а ты на «Волге». У меня на нем домишко стоит, а у тебя пятистенок красуется. Так кто кровосос? Потом, я чай в рабочее время не гоняю, как ты, а получаю меньше тебя в два раза. За что же вешать меня и таких же, кто был членом партии?

— А ты партию взносами кормил, — отпарировал притихший противник коммунистов.

— Это мое дело, куда деньги заработанные определить. Да, я коммунист...

По реакции присутствующих было видно, что Коваленко «отбрил» обидчика как следует.

Спор произошел в то время, когда Николай Григорьевич был бригадиром хозгруппы на руднике, оставив свой пост председателя профкома по уважительной причине — в связи с уходом на пенсию. То был 1986 год, когда КПСС, а заодно и рядовых ее членов начинали шельмовать на каждом углу.

Прошло время, но Коваленко по-прежнему считает себя коммунистом. Да и было бы странно под семьдесят лет менять взгляды и жизненные привычки. Он ходит на митинги, которые проводят коммунисты города. Но он далек от тех проворных московских дедушек и бабушек, которые в гневе размахивают хозяйственными сумками и транспарантами. И вообще не приемлет тех, кто лезет с кулаками по политическим мотивам на милиционеров. Он остался верен основным идеям коммунистов, но как-то померкли они в его сознании, потеряли былую привлекательность.

— Лидеров нет настоящих у нас, — сетует он. — Слушаю на митингах выступления нынешних партийных вожakov, и двойственное чувство охватывает: ну что могут сказать о коммунистах молодые парни? И бывает, такую околесицу несут, что и сами не могут понять, о чем говорили, к чему призывали...

Есть еще одна партия, о которой не подозревает Николай Григорьевич, сам являясь ее активным членом с того самого момента, как пришел работать на гору Магнитную. У ее единомышленников нет ее партийных билетов, они не митингуют и не собирают взносы. Они просто работают или уже честно отработали свое на комбинате. Они больше отдавали и отдадут себя и свои силы, чем берут и получают взамен ради простой цели — чтобы их детям и внукам жилось лучше, чем им.

В. ВОЛОДИН.